

Разорванные, искалеченные судьбы, горе, смерти, неизбывная тоска. Война, одним словом. Спросите у любого человека: хочет он войны? В большинстве случаев он ответит – нет. И все же, как ни трагично, может сложиться ситуация, когда человек скажет: да, я согласен пойти на войну для того, чтобы изменить существующую невыносимую трагическую ситуацию. В случае, когда враги захватили ваши земли, убили и взяли в плен ваших родных, стерли с лица земли ваши следы пребывания на этой земле, чтобы убедить весь мир, несмотря на очевидные факты, историю, что это не ваш дом, что вам нет места на вашей родной земле, тогда в душе у изгнанников наряду с тоской поселяется гнев. Так и случаются войны. В современную эпоху война ведется на многих фронтах. Один из важных фронтов – информационная война. Правда может быть на вашей стороне. Но это не главное. Очень сложно, иногда просто невозможно достучаться до людей, у которых свое сложившееся мнение обо всем, что происходит в мире. Раз и навсегда сложившиеся мифы очень сложно переломить. В мировом сообществе у больших наций есть младшие братья, сестры, друзья, можно называть их по-разному, нации, не имеющие мощного государства. В нашем, конкретном случае, мы, азербайджанцы, долгое время оставались в информационной блокаде. Наши соседи, армяне, захватившие наши земли, в этом отношении намного более удачливы. Франция, великая Франция называет Армению своей младшей сестрой и относится к ней соответственно. Вполне понятная позиция, учитывая влиятельную армянскую диаспору. Однако правда о войне в Карабахе просачивается тоненькими ручейками и во Францию.

Предлагаем вашему вниманию новеллу Гийома Жана, побывавшего в Азербайджане и сумевшего проникнуться болью наших обездоленных людей, оценившего благородство и мужество людей, сберегших карабахскую породу лошадей, редких по красоте, выносливости и смелости.

ГИЙОМ ЖАН

Новелла из сборника «Новые новеллы Азербайджана» под редакцией Мишки Ассаяса (Mishka Assayas). Издательство Intervalles, 2016 год.

SARILAR, Одиссея

Перевод Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ

Табун хлынул из впадины на равнине, тридцать или сорок горячих лошадей, рыжие, отливающие янтарем, почти красные, появившиеся одна за другой, скачущие, словно в титрах вестерна, с наостренными ушами, живым взглядом. Их шаг одновременно легкий, вольный и уверенный, и если они начинают идти рысью, кажется, что они сейчас взлетят: разве карабахские лошади не славятся своей гордой поступью, задором, выносливостью, щедростью и веселым нравом? Они – кузены арабских чистокровок, такие же изящные, маленькие, их ноздри словно раздуваются при усилии, чтобы позволить вдохнуть больше воздуха, потому что это лошади солнца. И огня: из всех их характеристик более всего запоминается пылающий цвет. В Азербайджане их называют SARILAR, золотистые.

Табун появился из степи, как ни в чем не бывало, неожиданно, почти случайно, свободный, сильный, позволяя себе шум ноздрей, топоча серую землю и желтую траву, приводя в движение белые камни под волной копыт. Редкий табун, драгоценный. Осталось всего семь или восемь тысяч таких лошадей медового цвета в азербайджанском государстве. Семь или восемь тысяч выживших в этой стране, формой, напоминающей дефис между Европой и Азией, на чудесной земле, расположенной на окраинах русской, турецкой и персидской империй. Или скорее семь или восемь тысяч

потомков выживших. В начале 90-х годов XX века порода карабахских лошадей чуть не угасла, заложница бесконечного территориального конфликта. Порода унаследовала название от Нагорного Карабаха, расположенного на юго-западе Азербайджана в горах Малого Кавказа; это ее колыбель. Сегодня изрезанный рельеф оспаривают как азербайджанцы, которые его населяют, так и армяне, селившиеся здесь на протяжении веков со своими церквями, культурой и историей. В 1991 году, когда Советский Союз разорвался в клочья, горный анклав, расположенный внутри азербайджанской территории, самопровозглашает независимость – с тем же успехом можно самопровозгласить войну и предоставить слово огнестрельному оружию, старым танкам Красной Армии, которые надо было вновь использовать, поскольку они все еще годны, как и штурмовые винтовки Михаила Калашникова или ракетные пусковые установки «Град». С тем же успехом можно самопровозгласить, что люди должны умереть в боях либо убежать вместе с семьями. Тысячи беженцев пускаются в путь между 1991 и 1993 годами: 400000 с армянской стороны, 800000 с азербайджанской стороны и столько же порушенных жизней. Сегодня Нагорный Карабах пребывает в состоянии войны, мир не был подписан, но война заморожена, потому что бои прекратились. Обе армии противостоят друг другу, а дипломатические переговоры буксуют.

Они происходят оттуда, эти замечательные лошади, проходящие перед нами. Их родители оттуда. Они проделали длинный путь до Шеки. Зажили новой жизнью у подножия другой горы. Но, похоже, что их «рубашка» не такая красная, похоже, что трава не такая питательная и подходит им меньше. Это говорит Мехман, сторож легендарного табуна, одинокая душа с лицом, испещренным тремьями морщинами, на голове выцветшая кепка; челюсть, отягощена восьмью золотыми зубами, его единственным богатством. Под ним благородная кобыла, он ездит без седла, скромно расположившись на шкуре барана. Он свистит и ругается, подгоняя опоздавших, одновременно считая глазами каждую лошадь, чтобы убедиться, что все на месте. Мехман рассказывает, что он гонит своих лошадей каждый вечер в загон из камней и кустарника из-за волков, что бродят по пшеничным полям.

– Когда они голодны, они спускаются с горы в надежде полакомиться жеребенком или буйволенком.

Пастух отмахивается от мухи, севшей на щеку, вытирает пот, спускающийся со лба вплоть до плеч.

– Вы хотите знать историю карабахских лошадей? Те, кого вы видите, в большинстве родились здесь. Но их родители преодолели путь из Агдама. Приходите завтра в конный центр, они смогут вам рассказать лучше, чем я.

15 июня 1993 года пять мужчин вызволили около 300 лошадей из горного анклава Нагорного Карабаха, когда бомбы падали в их сады, и враги могли разрушить их дома, но только не их лошадей. Отряд отправился из конезавода в Агдаме, основного центра разведения этой породы.

В советскую эпоху, когда Москва превратила Азербайджан в одну из своих республик-сателлитов, выносливость и быстрота этих лошадей использовалась в особенности на конных скачках; заводчики в это время скрещивали их с английскими чистокровными лошадьми, большими по размеру и более быстрыми. Скрещивание делали без всяких расчетов, по-гусарски. *По-козацки*, если хотите. Моторизация деревень во всех случаях сократила полезность этих союзников крестьян и сельчан. Однажды, это случилось в 70-е годы, заметили, что почти не осталось чистокровных карабахских лошадей. Конному заводу в Агдаме доверили спасение породы, в некотором роде ее восстановление.

Но началась война, вздыхает Эльман Гадиров, директор конного центра в Шеки. Он принимает в своем кабинете, скромной и небранной комнате, окном выходящей на загон, где скачет галопом красный жеребец. Эльман прерывает вздох, следя глазами за чудесной лошадей, и восклицает:

– Посмотрите, как он красив! Полюбуйтесь его силой! Вы заметили? Ни капли пота!

Старая женщина, чья голова повязана цветастым платком, приносит нам очень крепкий чай в маленьких, расширяющихся кверху стаканчиках, затем неистовый Эльман возобновляет свой монолог. Он тоже из Карабаха, он со страстью рассказывает о лошади, гордости его края.

– Верховое животное гибкое, управляемое, смелое и даже доброжелательное, у него есть все качества для игры в човган, вы знакомы с игрой човган? Это национальный спорт. Что-то вроде дедушки поло. В нее играют так же, с мячом и деревянной клюшкой. Спорт для ловких, лошади должны резко останавливаться, кружиться, а затем удаляться галопом.

Директор вновь делает паузу, чтобы посмотреть на красного жеребца в загоне, глотает чай, обжигается и продолжает разговор также увлеченно:

– А их масть! Говорят, что первый карабахский конь, ступивший на французскую землю, принадлежал азербайджанской княгине, которая привезла его в Париж, чтобы представить на всемирной выставке 1876 года. Замечательный жеребец, завоевавший медаль в том году. Говорят еще, что его грива медового цвета так понравилась парижанкам, что они кинулись в парикмахерские салоны, чтобы выкрасить волосы в тот же цвет; они продолжают это делать? А? Вы хотите поговорить об их исходе? Красивая история. Красивая история, славная и грустная. Лучше вам поговорить с моим дядей Кямилем, потому что это он привел коней из Карабаха. Да, да, он самый, с четырьмя другими всадниками. Конечно, вы можете с ним встретиться. Только он живет далеко отсюда. Подождите минутку.

Эльман Гадиров вытаскивает мобильный телефон из кобуры, нажимает на несколько клавиш, обменивается приветствиями, на секунду опускает трубку, чтобы спросить, когда мы свободны. Я: Завтра? Он: Нет, завтра суббота, мой дядя не сможет.

– Тогда послезавтра?

– Послезавтра – это воскресенье. В понедельник?

Договорились, встреча назначена на полдень понедельника.

– Вы увидите, дяде Кямилю 75 лет, но у него память слона. Его будет сопровождать сын, он тоже участвовал в этой одиссее.

Это дает мне немного времени, чтобы погладить лошадей конного центра и подготовить вопросы, которые я хотел бы задать. Не каждый день встречаешься с героями, я не думал, что это будет так просто. *Какое снаряжение вы взяли с собой? Почему вы решили уйти? Вы ехали ночью? Я хочу все знать. Какого цвета была луна? Слышали ли вы волков? Останавливались, чтобы поспать? Проходили через русла рек? На заре была ли роса? В вас стреляли? Было жарко, как сегодня? Пшеницу уже собрали? Дорога пахла весной? Вы чувствительны к запаху папоротника? О чем говорил пейзаж? Вам было страшно? Вы курили? Какие сигареты? Вы склонны к ностальгии? Вам попадались серны?* Надо проиграть всю сцену. Надо всё разузнать, чтобы увидеть масштаб этого необыкновенного приключения. Всё, и в особенности детали. *Какая ваша любимая птица? Любите ли вы фотографии? Какое у вас седло? Как вы думаете, человек может умереть от горя? Вы читаете стихи? Любите больше море или горы?* Я ничего не знаю из истории, которая меня преследует, как наваждение, ничего об этом импровизированном Ноевом ковчеге. Чтобы скорей прошло время, я выстраиваю вопросы в определенном порядке. Кто сказал, что война – это дерьмо?

– Мы выехали из Агдама 14 или 15 июня 1993 года. В понедельник, кажется. Или вторник. Бои приблизились к городу. Шум от снарядов оглушал, стены тряслись, окна ломались. Наши семьи уехали в поисках убежища, но мы не знали, что делать с лошадьми. Два жеребенка родились накануне, одна кобыла родила прямо утром.

Мы не могли уйти оттуда так скоро. И потом, мы все еще верили, что война не продлится долго, что скоро все уладится. В тот день я спорил с соседом, мы разговаривали у обочины дороги. Сосед говорил, что не боится и останется, чтобы не случилось, как вдруг на нас обрушился огонь, упал снаряд метрах в тридцати, и соседа разорвало осколками. Он погиб в грохоте металла, умер на моих глазах, и меня, безусловно, ожидала такая же судьба, если бы моя лошадь не отошла в сторону. И вот, в пять часов пополудни сосед умер ни за что. Он стоял, он был гордым, он не хотел покидать свою землю. Вот тогда мы решили уехать, уехать не мешкая. Я вернулся в конюшню, и мы объявили об отъезде. В тот день мы работали впятером. Четверо сели в седло, и мы собрали лошадей.

Это говорит Кямиль Гадиров. У него голубые глаза, светло-голубые, как небо на заре, усы тщательно подстрижены. Он сидит в чайном доме на обочине дороги и не снимает соломенной шляпы с волос с проседью. У него нет нескольких зубов, клетчатая рубашка застегнута до воротничка. Его сын Сахават сидит рядом с ним: у него такие же небесно-голубые глаза, немного грустные, меланхоличные и руки такие же большие, как и у отца, внушительные, загорелые, спокойно лежащие на столе, иногда подрагивающие. Их машина, античный «Жигули» кремового цвета, припаркована рядом под инжировым деревом. Сын, в свою очередь, рассказывает:

– У нас ничего не было, только рубашка на теле, платок на шее и нож в кармане. И наша **парақ**, наша шапка из бараньей шкуры, чтобы защитить голову, в случае грозового дождя. Наш отец посоветовал нам взять с собой железную плоску и скатать одеяло, положив его за седла, потому что мы не знали, сколько продлится путешествие. У нас больше ничего не было.

14 или 15 июня 1993 года 280 лошадей конезавода в Агдаме пустились в большой спешке в сомнительное путешествие, погоняемые пятью потными всадниками, которые кричат, не знают, куда идти, где спать, смогут ли они увернуться от бомб. самого старшего зовут Аббас Акбаров, ему 57 лет, он зоотехник, самый старший из заводчиков и присутствовал при рождении большинства жеребят табуна. Затем идет Кямиль, ему 53 года и его сын Сахават, которому в то время было всего 23 года. Еще два работника конезавода Сабир Ахмедов и Хосров Гасанов, 30 и 36 лет, замыкают шествие. Каждый взял по палке, чтобы направлять непокорных кобыл, им много надо успеть, потому что все происходит в беспорядке. Жеребята испуганы, их матери делают вид, что будут лягаться, чтобы защитить их. Но нужно уходить без промедления, и тогда татарские *(во французской культуре так часто называют азербайджанцев – Г.А.)* ковбои кричат громче и ударяют дубинками по крупам, они делают круги галопом, чтобы повести дикое сообщество в одном направлении, к северу. Когда они покидают Агдам, наступают сумерки, светло, но свет запачкан пылью, большой спиралью коричневой и горячей пыли, зарождающейся от топота копыт по летней земле. Мужчины защищают лица платками, чтобы не наглотаться пыли, и прищуривают как можно больше глаза, но, тем не менее, пыль проникает и заставляет их кашлять. Она заставляет их плакать, без сомнения. Да, она заставляет их плакать, глаза слезятся, и караван пускается в путь. Удары копыт звучат далеко впереди и далеко позади и заставляют дрожать землю, звук колокольчика гремит, как поток, и тяжелая поступь каравана эхом отдается на сотни метров. Дядя Кямиль идет впереди с главными лошадьми, вожаками табуна, Сахават занял место по одну из сторон. Он оборачивается, но ничего не видит из-за пыли, он не видит вершин гор, оставленных за спиной. Молодой человек даже не может различить Сабира и Хосрова, в десяти метрах, но он все же оборачивается, сидя в седле, это сильнее него. Потому что он знает, что мы уехали слишком быстро: Сорушма осталась в Агдаме, Сорушма, кобыла, родившая в это утро. Сорушма и ее жеребенок, которых они там оставили. Новорожденный потерялся бы в табуне. Или поранился бы в панике, во всех случаях он не мог идти. Из-за него все бы задержались. Кямиль сказал, что надо их оставить, что они придут за

ними позже, когда найдут надежное место, и когда у жеребенка будет больше сил. Звук разрыва снаряда послышался вдали, совсем далеко, но все-таки его было слышно. Задрожал воздух, и все шумы затихли, дыхание прервалось. Один жеребенок заржал, чтобы спросить, что происходит на этой земле, другие шумно дышат ноздрями. Лошадям нужно время, чтобы успокоиться. Они потеряны.

Долгий поход продолжается. Смотри, лошади теперь кажутся не такими нервными, может даже показаться, что они послушно идут вперед. О, надо еще поторопить тех, кто медлит в низине, где пучки травы, надо помешать им поворачивать шею в направлении загона, куда все хотят вернуться, чтобы успокоиться. Но лошади уже не такие нервные, и табун идет вдоль ряда тополей: тени ложатся под последними лучами солнца, жара утихает, затем спускаются сумерки, чтобы уступить ночи, укутывающей картину изгнания, пейзаж, мужчин и лошадей. Остался лишь шум копыт, перекрывающий звук сверчков. Остались лишь звезды, зажигающиеся одна за другой. Остались печаль и беспокойство.

Табун идет шагом уже три часа, а кобыла Сорушма все бежит в голове Сахавата. Молодой человек задается вопросом: а если в нее попала ракета? Что станет с жеребенком, если его захватят армянские солдаты? Он едва замечает луну, поднявшуюся позади него и покрывшую самую высокую вершину горы. Луна круглая, щедрая, заполонившая окрестность своим бледным и холодным светом. Сахават словно отсутствует, его корпус машинально следует за поступью лошади, о чем он думает? Может, о своей любимой Севиндж, на которой он должен жениться через три месяца? На которой он должен был жениться через три месяца. А если он думает о Севиндж, тогда он думает и о брате Севиндж, ставшем солдатом и убитом в бою 19 дней назад. Печаль земная. Сорушма! Сорушма! Кобыла возвращается, укладываясь в его мозг. Сахават сердится на себя за то, что оставил ее. Чем больше он об этом думает, тем больше у него решимости вернуться за ней, пусть под пулями. Молодой человек воодушевляется. Он должен немедленно поговорить с отцом. Он сжимает ноги, и его лошадь делает восемь или девять шагов галопом, затем останавливается рядом с Кямилем. Молодой человек скажет ему о своем решении поехать за кобылой и ее жеребенком, прямо сейчас, чего бы это ни стоило. Вот что мы можем сделать, отец, мы могли бы стать лагерем прямо сейчас, вы меня здесь подождете, я вернусь за Сорушмой ночью, спокойно, без спешки и вернемся так быстро, как сможет ее жеребенок. Мы к вам присоединимся до зари. Сын хочет все это сказать, но удерживается, глядя на красные глаза отца, припухшие веки и сжатый рот. О, он никогда прежде не видел его плачущим. Он тоже грустит, но в этом нет его вины. Он не знает, как утешить отца, тогда сын пускает лошадь шагом, рядом. Бесплезно говорить, отец понял, и отцу нет необходимости отвечать сыну, что тому надо остаться, пока лошади не уйдут подальше от места боев. Они едут вперед, без ненужных слов, мысли каждого из них в тревожном ожидании в пыли, сгущающей ночь. В полночь табун прибывает в Gülcülük. Деревушка безмолвна, за исключением злого лая нескольких собак, но это не беспокоит караван, потому что, начиная с этого участка, земля под защитой солдат азербайджанской армии. Они в надежном месте, можно даже остановиться, чтобы передохнуть. Табун идет медленнее, зоотехник Аббас нашел обширный луг, где все могли бы провести ночь при свете луны. Об остальном позаботятся завтра. Лошади фыркают, некоторые катаются по еще теплой земле, другие пьют из реки, текущей по краю поля. Сахават возвращается к отцу.

— За четыре часа табун прошел только 20 километров, я вернусь в Агдам меньше, чем за час, кобыла еще свежая, посмотри, посмотри, отец, потрогай ее шею, она даже не вспотела.

Кямиль колеблется, потому что все же его сын едет туда, где война, и перед ним картинка его соседа, изрешеченного железом; как он устал от всей этой тоски, от всех умерших, но в то же время он гордится его смелостью. И ехать недалеко, 20 кило-

метров. И потом, разве они не несут ответственности за всех лошадей конезавода?

Сахават повернул уздечку и пустил свою кобылу в галоп, в тихий галоп. Он проходит дорогу в обратном направлении, останавливаясь один раз у ручья, чтобы напоить кобылу, дать ей передохнуть и посмотреть на звезды. А потом ученик Дон Кихота уезжает крупной рысью, сердце его стучит так же сильно, как и копыта по каменной дороге. Не столько от страха, сколько от возбуждения и гнева или от спешки, в подобных ситуациях большой опасности невозможно все распознать. В ста метрах от конезавода Сахават удерживает свою кобылу, пускает ее шагом, тихо, никогда не знаешь, чего ждать. Строения кажутся пустыми и холодными, оружейная стрельба затихла, слышны сверчки. И сова. И трескотня насекомых. Именно так, ночь бурлит, как ни в чем не бывало, не зная, что с ней происходит. Парень слушает стрекочущую тишину, пока его кобыла не заржала в сторону Сорумы. Та сразу же отзывается, мечется в своем загоне, возбуждается. Сахават приближается к ней, это я, он говорит с ней нежно, ласкает ноздри, трет щеку, чешет холку и прикладывает голову к ее шее, чтобы успокоить ее, да, это я, не беспокойся. Жеребенок чувствует себя хорошо, он лучше стоит на ногах, как он окреп за несколько часов! Не задерживаясь, Сахават привязывает лонжу к недоузду Сорумы и выводит ее, увлекает в тень деревьев, позаботившись о том, чтобы она ступала по траве, чтобы звук ее копыт не отдавался эхом на зацементированной аллее. Ее жеребенок следует за ней. Они прибывают под сень первой рощи, и все становится спокойным, чудовищно спокойным.

О чем ты думаешь, Сахават? Тебе так нравилось жить в Агдаме, этой ночью город безмолвен, заморожен, мертв. Обычно начало лета наполнено тысячами обещаний, щедрым солнцем, золотящим и оглушающим всю округу, шепотом между природой и беспечностью, голубыми вечерами, криком ласточек и чудесным полетом жаворонков, утешающим во всем, но этот июньский вечер похож на конец осени, город застыл, и ты догадываешься, что лето больше не принесет веселой меланхолии, довоенного упоения. Однако тебя зовет жизнь, когда Сорума тянет лонжу: ее жеребенок хочет молока, надо остановиться ненадолго. Температура умеренная, и луна в зените благосклонно следит за вами. Мы живы, мы еще живы. Нужно воспользоваться этим. Подул легкий ветерок, чуть раньше зари появился свет за холмами, еще бледный свет, что затопит скоро унылый рельеф сухой местности. Сахават приближается к лагерю: он вначале почувствовал теплый и сладкий запах табуна, острый запах, запах срезанного сена, свежего навоза, запах кожи, усиленный росой. Сахават подходит ближе и различает неподвижный силуэт. Это отец, он ждет его. Он ждал его всю ночь.

Путешествие не закончилось, нужно оставаться смелыми. Путешествие длится шесть месяцев и даже больше, уточняют отец и сын, оба сидящие в **chaikana**, доме чая. Лошади остаются три дня неподалеку от Gülcülük, мужчины не спешат двигаться вперед, потому что они надеются не сегодня-завтра вернуться в Агдам. Но бои с каждым днем все сильнее, и караван вынужден продолжить свое бегство. Местами дорога переполнена беженцами: все идут в одном направлении. Семьи пешком с детьми на плечах, другие на лошадях, кто-то – на машине, из тех, у кого она есть. А те, у кого осел, едут на осле. А те, у кого бараны, гонят их впереди себя по дороге. А те, у кого ничего нет, засунули руки в карманы или помогают тем, кому сложнее. Элементарная солидарность. Лошади из Агдама отказываются идти вперед в этой давке, они вращают глазами, они не быки, но всадники их подгоняют либо угрожают им палками. Они делают несколько ежедневных переходов от 20 до 30 километров, идут вдоль пшеничных полей – некоторые из полей сжаты, другие нет, громадный комбайн оставлен на опушке леса. Они идут по пологому склону, оставляя все дальше за собой гору, по унылой равнинной земле. Заросли, чертополох, камни, кузнечики, мошки. Комары с наступлением ночи. Кямил молча размышляет. Однажды вечером он прищипывает свою лошадь, чтобы она поднялась на возвышение, откуда он окидывает

взглядом удаляющиеся вершины Карабаха. Как если бы он прощался с ними. Когда я еще увижу тебя, чудесный край? Перед ним красные крупы и золотистые шеи идут вперед, как один человек в их плюмаже из пыли, устремленные вперед чудесной энергией их храбрых сердец, бьющихся в унисон. Вокруг серая земля, бедная, безликая, однако они уходят в эту унылую степь. Кямиль сплевывает, прочищая горло.

– Люди из Министерства сельского хозяйства указали нам на бывший совхоз в Евлахе, – рассказывает он. – Туда мы должны идти. Они сказали, что там мы найдем большую овчарню, чтобы разместить наших лошадей. Овчарню.

Они прибывают туда, в овчарню Евлаха. Они наконец прибывают туда, грязные, с натруженными мускулами. Ни одна лошадь не поранилась в пути, им есть чем гордиться. Всадники пьют речную воду, грызут хлеб и твердый сыр, купленный на деньги, которые унесли с собой, все их деньги. Они покупают арбузы у маленьких продавцов по краям дороги – у тех же, что мы встречаем и сегодня, растянувшихся на металлической кровати в тени дуба или липы; иногда они дарят арбузы, настолько вид красных лошадей, спускающихся с гор, потрясает, незабываемый спектакль разбивает сердце.

– Мы надеялись вернуться в Агдам, – повторяет Камиль. – Мы все еще надеемся. – Он опускает голову, чтобы потереть глаза и под столом сын толкает его коленом, чтобы он не растрогался.

– Надо было сторожить лошадей все ночи, – рассказывает сын. – Надо было сменить друг друга для охраны. Почему? Потому что лошади, естественно, хотели вернуться в Агдам. У них была ностальгия, у них тоже.

Мужчины и лошади оставались три месяца в овчарне Евлаха, три месяца влетней печи сухой травы. Все исхудали. У них не было денег на еду, выживали с помощью еды, раздаваемой правительством беженцам. Другие вопросы? Табун пробыл три месяца в Евлахе, прежде чем уехать на север в Шеки, где земля лучше, пейзаж немного похож на пейзаж Агдама. Отдаленно. Там они понимают, что стали беженцами, что нигде не будут на своем месте, пока не вернуться в свои горы в Карабахе. Полуденное солнце прогуливается между столами чайханы. У Кямяля перехватило горло, руки дрожат, он предпочел бы не ворошить воспоминания. Вопросы? Нужно ли все еще искать черта в деталях? Позднее табун продолжит свою одиссею вплоть до Баку, на этот раз на грузовиках. Десять грузовиков надо обустроить, чтобы поместить всех лошадей, в несколько поездок в оба конца. Но возможно ли за короткое время найти корм для трех сотен лошадей на земле, где на поверхность выходит нефть, и где трава низкорослая и бедная. Невозможно получить все сразу. Еще вопросы? Две пары небесно-голубых глаз теряют терпение, надо сейчас заканчивать.

– Ни один армянин не может сказать, что он захватил лошадь из Агдама, – говорит Кямиль в качестве заключения. – Мы всех их спасли. Ни одна из лошадей не поранилась в пути, – добавляет Сахават, – мы гордимся этим. Даже Сорумша и ее жеребенок смогли проделать весь путь. Еще вопросы? – двое мужчин извиняются, что должны уйти так скоро, – понимаете, мы живем далеко, дорога плохая, нам надо покормить животных, мой брат болен.

Что осталось от этой эпопеи? Говорят, что карабахская порода возрождается. Большинство спасенных лошадей собрали на конезаводе в Лемберане, на границе анклав Нагорного Карабаха, и сотни маленьких жеребят родились после исхода 1993 года. Несколько кобыл остались в Шеки, они стали родоначальницами фантастической орды нового зачина. Кямиль и Сахават не занимаются больше лошадьми, они кружатся по своему клочку земли, ведут жизнь изгнанников и каждую ночь видят сны о своем возвращении в Агдам. Что осталось от смелого вызволения? Отец и сын попрощались, забытые герои с грустными светлыми глазами, они попрощались и уехали в своем кремевом «Жигули», оставив позади себя тонкий завиток белой пыли...